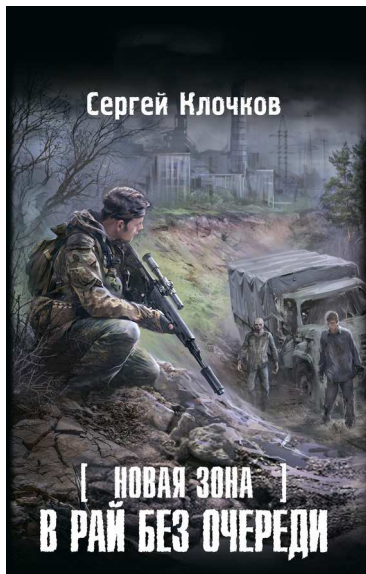

Сергей Клочков

[НОВАЯ ЗОНА]
В РАЙ БЕЗ ОЧЕРЕДИ

Сергей Александрович Клочков
Новая Зона. В рай без очереди
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Новая зона», книга 10

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6689716

Новая Зона. В рай без очереди : [фантастический роман] / Сергей Клочков: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083697-0

Аннотация

Тихий, давно покинутый людьми Город. Патрули по окраинам, красно-белая лента «волчанки», туман и тишина. На пустых улицах и в покинутых домах притаилась смерть, многоликая, непонятная, невидимая. И одинокий бродяга, прежде чем переступить незримую границу мертвых земель, что-то шепчет себе под нос, прислушиваясь к шуму далекой патрульной машины. Зачем он идет туда, всякий раз рискуя жизнью? За деньгами, чтобы прокормить семью, или за адреналином, азартом, или просто в поисках свободы от опостылевшей серости быта? Он никогда не найдет ответа на этот вопрос, да и не ищет он его, если честно. Для него давно уже понятно и так, что сталкеров в рай пропускают без очереди...

Сергей Клочков

Новая Зона. В рай без очереди

© С.А. Клочков

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

* * *

Лето в этом году выдалось на удивление мягким и ласковым. Я глубоко вдохнул теплый, вкусный воздух августа, приправленный ароматами некошеной травы. Сама собой возникла соблазнительная мысль, что неплохо было бы забросить все дела на недельку, а то и полторы, и рвануть на природу, взяв на прицеп Ботаника с парочкой смешливых девчонок не интима ради, а веселия и хорошего настроения для. Впрочем, если веселие это и до более тесного общения дойдет, то ноты протеста такой похвальной инициативе веселые девы с моей стороны точно не получают. Поддержку, как говорится, на всех уровнях. Затовариться у частников продуктами, свежим мясом для шашлыка, не забыв при этом сок испанской солнечной лозы, и всей командой завалиться куда-нибудь в дальнее, очень дальнее Подмосковье. На реку, с ночевкой, пока вода еще хранит летнее тепло, отрубив на это время все связи с цивилизованным миром, чтоб даже если искали, то не нашли. Хорошо сейчас, отличная стоит погода, бархатная. Нет уже той духоты и жары, которыми отличались теплые месяцы в первые годы после Катастрофы, хотя зимы в Москве по-прежнему не приносили с собой снега и сколь-нибудь значительных морозов – этакий затяжной ноябрь до самого апреля. Эх-х... послать бы все действительно на фиг. Душа требовала леса, реки и рассветов. Но я уже знал, что Ботаник не согласится, у него, значит, интернет, компьютер-тяжеловес и сеть сталкерская, за которой глаз да глаз. И «веселых девчонок», таких, чтобы с удовольствием на речку рванули, а не в сотрясающийся от басов клуб с мажорами, коктейлями и «кру-утыми та-ачками, да», теперь днем с огнем не найдешь. Ну а с теми красотками, которым «на речке ску-уучно, беспонто-ово, ко-ома-ры-ы», мне будет скучно и «беспонтово» тем более. Разве что комаров лично мне терпеть будет гораздо легче, чем их компанию, – мелких кровососов хотя бы прихлопнуть можно. Неплохо было бы и просто на рыбалку смотаться, но остается последняя засада – денег нет. Вообще. По крайней мере пока нет, значит, отменяются любые,

даже самые бюджетные поездки. Я снова глубоко втянул запах позднего лета, потянулся и осторожно перевернулся на спину, стараясь не потревожить высокие заросли тимофеевки и ветви нестриженной сирени. Отдыхай, сталкер, хоть так, пока есть возможность. Пользуйся.

Неожиданный и в какой-то степени вынужденный отдых позволил немного отвлечься от насущных думок и просто полежать в высокой траве, глядя сквозь прогалы листвы на неспешно плывущие гряды облаков и осколки яркого синего неба. Тихо, спокойно все, листва шелестит – мирное летнее утро в еще не проснувшемся поселке. Сразу и не скажешь, что людей тут четыре года как нет. Но это на первый взгляд. А вот если присмотреться, то видно, как разрослись бывшие клумбы у тротуаров, и высокий бурьян закрыл нижние окна домов, от чего в квартирах первых этажей даже днем царил влажный зеленоватый сумрак. Некому было подрезать ясени и липы по обочинам дорог, и за годы без человека бывшие парки и скверы все больше напоминали лес. И ни выхлопов тебе автомобильных, ни дыма из заводских труб – чисто вокруг Города, воздух посвежел, даже вроде по ночам звезды намного ярче стали, и луна по-другому светит. И теплый ветер со стороны МКАД, который приносил странные, неприятные запахи, а молодой месяц над Городом краснел и окружал себя бледной радугой – как, например, сегодня перед самым рассветом. Верный, кстати, признак, что скоро будет Прилив и разлеживаться особо не стоит. Мало ли...

Впрочем, валялся я в летней травке не просто так. Причина моей внезапной лени находилась от меня в каких-то ста метрах, прямо за облезлой и выцветшей лентой «волчанки» – власти уже давно поняли бесперспективность долговременных укреплений вокруг Зоны. Границу аномальных территорий обозначали теперь пластиковая ленточка и переносные щиты с предупреждающе-угрожающими надписями да еще сенсоры, достаточно неплохо замаскированные в траве и густом кустарнике. Да, признаю – очень неплохо. Видимо, я и прощелкал один такой, когда перебирался в темный предрассветный час на территорию, на которой в общем-то мне делать было нечего как с точки зрения закона, так и элементарного здравомыслия, молчу уже о присущем каждому неглупому примату инстинкте самосохранения.

«Волк» примчался буквально за сорок секунд – видимо, находился неподалеку в ночном патруле. Мне пришлось как следует припустить по зарастающей шоссейке в сторону бывшего подмосковного поселка, в очередной раз понадеявшись на «авось» – бегать в темноте по местности, которую то и дело захлестывают Приливы, для здоровья не полезно совсем. Витек Италия вот тоже так побегал от военных – парни рассказывали, что бедолага метров пять на берцовых костях проскакал, прежде чем свалился. Ну и подобрали его армейцы, которые, к слову, вместо стрельбы, положенной по новому уставу, парня до больницы повезли. И ведь довели вояки, жизнь-то ему спасли, хотя ступни, в «мокрое пятно» попавшие, понятно, даже самолучшие хирурги обратно бы уже не приделали. Наверно, потому и срок Витьку дали условный, хотя за сталкерство можно по нынешним временам отхватить лет семь «строгача», но судья решил, что парень и так уже достаточно наказан. Шиш там... купил Италия себе протезы американские и через год, кое-как, с трудом, ходить научившись, опять в Москву полез за прибытком. На этот раз – с концами...

Ох и страшно бегать в темноте, ребята. Да, не глубокая Зона это еще, окраина, до МКАД километров пять, не меньше, и шансов во что-нибудь мерзопакостное наступить немного. Но все равно – и мураши по всей спине, пот холодный, и при каждом шаге очень неприятно так сжимается где-то в районе желудка, даже подташнивает. Говорил ведь Италия, пусть спокойно спится ему, чтоб не бегали мы по этой земле, нельзя здесь бегать ну никак. Однако ежели засекут меня с «Волка», да еще и на видео снимут регистратором – все, отпрыгался Фрилансер с гарантией. Поэтому, когда нырнул я в бурьян за пару секунд до того, как туман осветился фарами, и за эти же пару секунд убедился, что организм мой в

полном комплекте и нигде ничего не болит, облегчение было ну очень приятным. Вроде бы ничего не цепанул во время пробежки. Вроде.

«Волк» приглушил двигатель и начал планомерно облизывать пространство лучом мощного прожектора. Овальное пятно света ползало по стенам облезлых двухэтажек, ныряло в провалы окон заросшей котельной, у дороги изредка вспыхивали зеленью стекла битых бутылок. Я был спокоен – и бурьян, и трава были достаточно густыми для того, чтобы меня нельзя было обнаружить. От тепловизоров же толку было еще меньше – если за пределами аномальных территорий человека можно было засесть чуть ли не за километр, то здесь слишком много помех. Если бы автомобиль военных пересек «волчанку» да подъехал поближе, то да, мои шансы уйти очень быстро приблизились бы к нулю – среди тепловых пятен определить силуэт человека стало бы проще простого. Но нет, не поедет сюда патруль без прямого приказа, а вояки совсем не дураки, чтоб докладывать о возможном нарушителе – ну, очень не хочется военным пересекать красно-белую ленту. Страшно им, и это несмотря на то, что «Волк» увешан детекторами дальнего действия, а на крыше помимо тридцатимиллиметровой авиационной пушки, спаренной с пулеметом, имеется особый локатор, издали напоминающий тощего Чебурашку с лихорадочно вертящейся головой. Слышал я, ученые гарантировали военным, что локатор этот засекает любой аномальный очаг за сотню метров, а формы псевдожизни – за пятьдесят, однако те же самые ученые всего два года назад «гарантировали», что границы Московской Зоны стабилизировались, и расширяться она не собирается. Вот и сидят бойцы в бронированной машинке, даже носа на улицу не кажут, хотя за лентой и аномалий нет, и тварей вроде как тоже. Да, страшно бойцам – что сами видели, что старички рассказали, да в общем-то любому нормальному человеку страшно должно быть здесь до дрожи в коленках. Только Зона – она ведь такая, видимо, нарочно для ненормальных сделана.

Стоит машина. Четвертый час стоит за «волчанкой», мотор заглушен давно – должно быть, решили военные здесь «допатрулировать» остаток смены. Ничего, подождем... поспать бы, пользуясь случаем, да вот нельзя тут дрыхнуть, если без напарника да вне надежной норы. И время тянется долго-долго... Когда же их черти уже унесут? Хоть бы какой сенсор сработал в километре отсюда, но нет – за последние годы немного осталось тех, кто в Москву лезет, и еще меньше тех, кто оттуда возвращается. И на лосей с зайцами надежды нет – ушли звери из окрестных лесов в первый же год Катастрофы и возвратиться не обещали. А солнце припекает, камуфляжка на спине уже ощутимо прогрелась – и это несмотря на то, что сверху на меня падали только отдельные лучики. В густой путанке травы заскрипел одинокий кузнечик, необычно крупный, с выгнутыми лапками и деформированным туловищем. Что ж, здесь это бывает... и было бы неплохо, чтобы только кузнечиков меняли местные земли. Хорошо еще, что вблизи этого подмосковного поселка кладбищ нет да эвакуация прошла вовремя и четко. Не так опасно в этих местах, даже аномалии встречаются не в пример реже, и на тварь какую нарваться сложно. Хотя, если начистоту, на тварей я за все два года вылазок ни разу всерьез не нарывался – надеюсь, так оно и дальше будет.

«Ну че, есть тут кто? – рявкнул вдруг динамик машины так неожиданно, что я даже дернулся всем телом. – Короче, придурь, если ты там где засел, то лучше вылезай. Не тронем, обещаю. По датчикам тут скоро зальет, сдохнешь ведь!»

Гнусавый голос динамика звонко пролетел по пустой улице, отразился далеким гусиным криком от корпусов ткацкой фабрики и умолк где-то высоко в небе. После его механического рявканья тишина брошенного поселка показалась особенно ватной.

«Па-автаряю. Стрелять не буду! Слышь, придурь, уходи лучше, мы не заметим!»

И тут же немного тише, но все равно было слышно до того, как отключился громкоговоритель: «Да нет там никого, тарищ капитан». Хорошая техника у военных. Чувствительная. Я даже усмехнулся про себя. Потеряли меня или же просто не уверены в том, «был ли

мальчик». А что сенсор сработал, так мало ли объектов человеческих размеров и форм по границам Зоны шатается. Объектов, которых, в общем, лучше и не видеть, чтобы потом был крепкий хороший сон и относительно здоровая психика. Хоть и гнусавит «матюгальник» на крыше «Волка», искажая речь, но слышны, очень хорошо слышны в голосе «тарища капитана» неуверенные нотки.

Где-то совсем рядом, похоже, прямо за ближайшим домом, вначале громко хрустнуло, а потом и вывалилось наружу окно – осколки звонко посыпались в бурьян. Мгновением позже последовал мягкий удар и короткий треск веток. «Чебурашка» на крыше армейского автомобиля перестала крутиться, и круглые «уши» буквально наострились в сторону шума. Несколько секунд на локаторе мигали красные светодиоды, и машина, поспешно развернувшись, довольно резво скрылась – водитель, что называется, «дал по газам». Я прислушался, но, кроме затихающего звука двигателя, ничего не запеленговал. В поселке снова стало тихо – ни хруста ветки, ни шороха, успокоился даже легкий ветерок, до этого лениво шевеливший пыльные листья.

«Чтоб тебе охрипнуть, debil», – мысленно прошептал я благословение «тарищу капитану». Воякам-то хорошо за броней с мотором – поорал да уехал. А то, что здесь шуметь, мягко говоря, для здоровья не полезно, они и чихать хотели. И, видать, не так гладко эвакуация прошла, как в документах значится. Очень сильно надеюсь, что нечто, выпавшее из окна, там же и останется, а не начнет бродить поблизости. Ну, не хочу я это видеть даже в том случае, ежели оно не агрессивно и бросаться не будет. До холодного пота не хочу. Ну а пока осторожно, стараясь не шуметь, подняться, растереть затекшие от долгого лежания руки и вытащить из рюкзака обрез. Старая «ижевка» двенадцатого калибра с полностью облезшим ложем и почему-то сплюснутым у самого дула стволом досталась мне даром. Марь Степанна, алкоголичка из сто тридцатой квартиры, приперла мне это ружье в прошлом году, причем за так. Обдав лицо тяжелым водочным духом, она вручила мне «ижевку» с каким-то особенным пафосом, с усилием моргнула и гаркнула: «Владей, сынок!» После чего четко развернулась на каблуках стоптанных домашних туфель, покачнулась и, буркнув напоследок «только это, мушку там спили», скрылась. Совету я последовал, срезав вместе с мушкой и поврежденный участок ствола сантиметров примерно пятнадцати, да заодно и треснутый приклад. Все остальное оказалось во вполне рабочем состоянии, и я приделал к внутренней части рюкзака длинный брезентовый карман, а к бывшей шейке приклада – широкую кожаную петлю, чтобы удобнее было выхватывать ствол. Незаконно, да, и незамысловато, и толку особого нет от огнестрела в Зоне, но насколько спокойнее мне было в такие моменты от ощущения настоящего оружия в руках...

Тихо, стараясь не шелкнуть рычагом, переломил обрез и загнал два пулевых патрона. Так же тихо закрыл, но оружие все же ощутимо клацнуло. Замер. Прислушался. Все тихо... пять минут. Десять. Пронесло? Эх, если бы все так просто было... Разлеживаться, однако, нельзя. Тихонько поднялся, осмотрелся. Никого, точнее, в этом случае скорее даже ничего нет. Пустая улица, тополя, солнце блестит в окнах, почти чистых, только начали они зарастать пылью и грязью без человека. И дальше идти нельзя, пока не проверишь, куда именно понесло того «выпаданца». Вдох. Выдох. И самым малым вперед.

Обогнул угол дома, еще немного постоял и послушал тишину. Бросил горсть камешков в показавшуюся немного подозрительной траву и пошел дальше. Окно увидел сразу: выдавленные изнутри рамы, длинный лоскут клетчатой ткани на стеклянных зубцах и несколько желтовато-коричневых потеков на старой штукатурке. *Он* был уже далеко, и даже странно, что я не услышал *его* шагов. Существо, когда-то бывшее человеком, подпрыгивая и раздавая во все стороны гротескные поклоны, быстро удалялось в сторону единственного на весь поселок девятиэтажного здания. Издалека *его* движения были похожи на запутавшуюся в нитях марионетку, с силой встряхиваемую раздраженным кукловодом. Я отвел взгляд и глу-

боко вздохнул. Не могу привыкнуть, хоть ты тресни. Всякий раз страшно. Хорошо хоть, что далеко *этот* ушел, иначе были бы проблемы. Некоторые бывшие трупы кидаются сразу, с утробным клекотом и бурой пеной из пасти. Другие молча стоят и пялятся пустыми дырками глаз, и только видно, как медленно поворачивается голова вслед твоим шагам – я их называю «смотрюками». Редкая ходка обходилась без того, чтоб не заметить белый или, напротив, буро-коричневый овал в темном окне. Третьи, как выразился Лихо, ветеран-сталкер еще из тех самых мест, «исполняют» – либо просто дергаются, либо натурально танцуют, подскакивая и размахивая остатками конечностей. И ведь что ни год, так новая разновидность этой пакости появляется – ну, равнодушна Зона-зараза к самым разным мертвецам, лепит из них какие-то «матричные псевдоорганизмы», которые и не живые вовсе, а так, жизнь только имитируют. Прыгуны, навки, кикиморы и еще черт ногу сломит, сколько разных, старатели не успевают даже называть. Рассказывал мне Ботаник, который, кажется, вообще в курсе всех событий Зоны, что все эти зомби – какой-то фокус со временем плюс еще одна ерунда в информационном поле Зоны, от чего законы природы тут где узлами завязаны, а где и в клочья разорваны. И, с многозначительным видом очки поправляя, вещал, что, дескать, научная парадигма не подходит для изучения этой самой Зоны, и еще другими словами ругался, мне лично непонятными. Эх... когда-нибудь и я, наверно, вляпаюсь в такой вот «узел» из законов природы, и либо рожки да ножки в кусковом исполнении от меня останутся, либо вот такой же пакостью бродить начну. И вообще надо бы завязывать с такими мыслями, от них депрессия и несварение случаются...

Прислонившись к стене здания и на всякий случай осмотревшись, я убрал оружие и достал из рюкзака маленький стеклянный «фляничек» коньяка – трофей с позапрошлого выхода, когда выволок я целую коробку таких вот пятидесятиграммовых бутылочек из разгромленного еще во время эвакуации супермаркета. Почти все вынесли из магазина, а вот небольшой закуток на складе почему-то обошли вниманием. Там-то и стояла полная коробочка в окружении пустой и уже заплесневевшей тары, и да, был там еще целый стеллаж с шоколадом, который, конечно, давно испортился и вонял какой-то пронзительной кислотой. Не стал я продавать спиртное, хотя по нынешним временам этот коньяк, пусть и в мизерных емкостях, быстро нашел бы своего покупателя. И об этом не пожалел.

Сладковато-горячий, немного терпкий глоток приятно согрел горло. Хоть и не хватило бы такой порции, чтобы немного расслабиться и дать алкоголю ударить в голову, да и не позволил бы я себе захмелеть даже от более солидного угощения. Пустая бутылочка улетела в кусты, я сверился с картой и, внимательно осматривая дорогу, медленно пошел вперед.

Семьдесят тысяч. Достаточно неплохой, по крайней мере лично для меня, повод в очередной раз рискнуть шкуркой. В принципе даже сейчас, в такие паршивые времена, я бы смог найти офис и бумажную работенку на эти самые пятьдесят-семьдесят в месяц. Не вопрос. Опыт таки есть, риэлторский, пока не погорела наша контора, причем по понятной причине – квартиры в Москве не просто обесценились, а, как бы это сказать, превратились в полностью неликвидный товар. Биг-босс, от жадности или же просто обалдев от свалившейся «халявы», начал буквально за бесценку скупать квартиры у бегущих из Города москвичей. Думал, видимо, сорвать впоследствии хороший куш и поэтому не просто ухнул все деньги фирмы, но и залез в кредиты. Мне лично хвастался тем, что за неделю до эвакуации умудрился сбить цену на трехкомнатную квартиру с шести миллионов до четырехсот тысяч, мол, смотри, как работать надо, и учись. Не знаю уж, на что он рассчитывал, но, насколько я помню, ни одной купленной за бесценку квартиры он так и не продал, мы все потеряли работу, а банки вытрясли из биг-босса все, что смогли вытрясти, и даже немного больше. Впрочем, успел я до краха конторы заработать несколько хороших рекомендаций и очень вовремя уволился, так что запросто мог бы уехать куда-нибудь в Сибирь, в тот же Красноярск, там сейчас и строительство всюю идет, и спрос на жилье огромный. Но это если по

уму... так ведь и хотел сделать, дурак. И испортил меня первый же фриланс, испортил окончательно и, наверно, уже навсегда. Остро и ясно, до мурашек по всей спине, до адреналинового пульса и сладкого сжатия в груди я осознал, что вот эта вот ночь у чахлого костра, усталость в ногах и плечах, запах дыма и вкус разогретой на углях тушенки просто не пустят меня обратно к выглаженным брюкам, строгому пиджаку и вежливой улыбке. Не смогу я больше видеть лампы дневного света и подписи с печатями, и не потому даже, что в романтику потянуло, нет, или не хватает адреналина, или еще какая блажь – все оказалось намного проще. Я впервые за весь свой сознательный возраст почувствовал, что такое свобода, пусть даже и не вся, а самый краешек, но настоящая, крепкая и вкусная свобода. И в пику целой куче неписаных правил московских старателей, всех традиций, что были вынесены еще с той Зоны, я сам выбрал себе новое имя. И оно прижилось.

Теперь я Фрилансер. Или просто Ланс, хотя такое сокращение мне не совсем по душе. Вольный стрелок. Или просто сталкер, бандит и мародер с точки зрения власти, а на самом деле просто городской старатель подобно сотням других рискованных парней, то и дело мотающихся в Город...

Этот заказ я, как и большинство других похожих заданий, получил у Гены Ботаника. Бывший чемпион «вовки» российского масштаба, на счету которого был даже международный турнир, бывший же системный администратор нашей бывшей конторы, программмер-самоучка и опять-таки бывший школьник-вундеркинд, чьи математические способности удивляли даже профессоров. И в какой-то степени неудачник – бесконечные часы онлайн-сражений за огромным трубочным монитором посадили зрение, вследствие чего Гена обзавелся большими очками, добавившими ему какого-то академического шарма. Феноменальное математическое дарование с возрастом почему-то стало просто дарованием – хорошо «рубил» Ботаник в математике и физике, очень хорошо, но уже на уровне обычного специалиста – выпускника технического вуза, кем он, собственно, и являлся. Про контору вообще молчу – в этом плане мы друг от друга не отличались, разве что я уволился сам, а его уволили со всеми вместе, причем даже без копейки расчета. И болтались мы с Геннадием, с которым успел я сдружиться за время работы, где-то с полгода по общагам, знакомым и, наконец, на квартире сводного брата. Ботаник характер брата долго выносить не смог и, когда появились деньги, снял в Подмоскovie облезлую однушку, куда со временем перебрался и я. Причем эти самые деньги появились не без моего участия – Гена нашел заинтересованных лиц, а я, соответственно, сделал свой первый фриланс...

На этот раз клиентов было трое. Две интеллигентного вида старушки, похожие друг на друга как сестры-близнецы – я так сначала и подумал. Виолетта и Ангелина Владимировны и впрямь были сестрами, но с разницей в два года. Третьим был их племянник Павел Михайлович, тощий, с намечающейся лысиной мужчина лет пятидесяти, с мелкими, суетливыми движениями рук и бегающим взглядом. Особенно почему-то запомнился старый, почти потерявший форму берет, который он поспешно снял и разминал в руках все время разговора.

– Здравствуйте, молодой человек, – тихо и как-то мягко поприветствовала меня старшая, Виолетта Владимировна. – Геннадий Сергеевич... порекомендовал обратиться к вам. Видите ли...

– У нас есть некоторый... интерес в отцовской квартире, – перебил ее Павел. – Она находится... как бы вам сказать...

– Догадываюсь, – кивнул я.

– Да-да, верно, там. К сожалению, получилось неприятное недоразумение...

– Мы были у родственников в Германии, когда все это произошло, – продолжила Виолетта. – Дочь, знаете ли, вышла замуж за немца, да, очень хорошего человека, и пригласила нас в гости... буквально на месяц. Там из новостей мы узнали, что Москва была эва-

куирована, кажется, из-за какой-то то ли эпидемии, то ли аварии. Мы так и не поняли, от чего именно. Новость показывали по всем каналам, но дикторы как-то невнятно говорили о причинах – то техногенная катастрофа, то какая-то болезнь, заражение. Мы, конечно, сразу вылетели обратно, но в Москву попасть не смогли.

– Что неудивительно, – печально вздохнул Ботаник.

– Ничего не получилось. В город не пускали военные, да еще какие-то ужасные слухи, полная неразбериха во всем, и от нас отмахивались повсюду, даже не выслушивая. Это был какой-то кошмар, – добавила Ангелина Владимировна. – Только спрашивали, не остался ли кто дома. Нет, конечно... Миша умер за три года до эвакуации, сердце, и было ему уже восемьдесят семь, он старший в семье... и тогда нами больше никто не интересовался. Нам пришлось уехать – кончались наличные деньги, гостиницы же были непомерно дороги. Три с половиной года мы прожили в Германии, оформили там гражданство...

– Простите, вам, наверное, все это неинтересно, – сказала Виолетта, утвердительно кивнув еще до того, как я дал ответ. – Наше дело к вам состоит в следующем...

Старушка, отточенным движением открыв сумочку, выложила на журнальный столик связку ключей, вырванный листок атласа Подмосковья и несколько фотографий.

– К сожалению, мы уже не сможем посетить могилу брата – он похоронен на Борисовском, это в Москве. Ну, вы понимаете... Этот человек был нам очень дорог.

– В квартире остались фотографии, кое-какие личные вещи отца. – Павел показал на фото. – Портсигар, еще с войны... он был ветераном. Вот шкатулка, лежит в шифоньере, в ней ордена. Постарайтесь найти. И альбомы с фотографиями. Все, какие найдете.

– Да, и еще... – Ангелина Владимировна, почему-то смутившись, откашлялась и быстро переглянулась с сестрой. – Молодой человек, простите...

– Вячеслав.

– Вячеслав... Слава, если можно так вас называть... есть еще одно. Несколько не особенно ценных, но очень важных для нас вещей. Маленькая шкатулка под простынями в шкафу. Там... там лежат наши фамильные ценности. Три колечка с камнями, цепочка, кулончик с портретом и небольшая рубиновая брошка. Это не особенно дорогие, но, вы понимаете, фамильные ценности. Они достались нам от прабабки, и... нам бы не хотелось их потерять.

– Понятно. – Я кивнул и пододвинул к себе карту. – Никаких гарантий того, что смогу пройти в этот район, дать не могу. Ближайшее Подмосковье сейчас такая же Зона, как и центр города. Одни здания разрушены аномалиями, другие выгорели, третьи... скажем так, недоступны. Кроме того, во всех районах первые месяцы действовали самые разные банды. Этаж какой?

– Первый.

– Это тоже не очень хорошо. И клумбы, и сами здания быстро зарастают, без отопления во многих домах на первых этажах сыро, и за три года там все скорее всего заплесневело. После возникновения Зоны было очень много дождей, и зимы теперь сырые и почти без морозов.

– Альбомы были завернуты в полиэтиленовые пакеты. Очень плотно. Мы берегли их от сырости, молодой человек, квартира и впрямь была влажноватой, – сказала Ангелина Владимировна, поджав и без того очень тонкие губы на морщинистом лице. – Не думаю, что плесень могла повредить их за столь короткий промежуток времени. Дом трехэтажный, крепкий, крыша никогда не протекала на нашей памяти.

– Плесень бывает всякая. Особенно там. Ладно, вводные данные приняты. Я оцениваю работу в пятьдесят тысяч. Большой риск – район, скажем так, неблагополучный.

– Мы дадим вам семьдесят, если вы доставите альбомы и ценности, – кивнул Павел и снова начал мять берет. – Но, простите, аванс выдать не сможем.

– Претензий не имею. – Я даже усмехнулся. Давно принято такое правило – не давать аванса тому, кто в Зону идет. Потому что очень часто оттуда не возвращаются. И работа не выполнена, и денежки пропали, которые можно потратить на нового наемника. В курсе, видно, Павел Михайлович, значит, кто-то просветил. Я покосился на Ботаника. Да нет, не он – поднял Гена брови, головой покачал и, видно, о чем-то задумался. Впрочем, ладно.

Я снова посмотрел на лист из атласа автодорог. Подмосковье, юг, даже немного западнее. Бутово недалеко, южнее Подольск, который еще не накрыло, но в том году почти всех жителей эвакуировали. А вот сам поселок, где нужный дом, от МКАД совсем недалеко. И на моих картах, особо разрисованных, значит, это место как достаточно поганое. Не сказать, что полный швах, как Москва, но и расслабляться нельзя. Одно радует – район грамотно и вовремя эвакуирован, когда полыхнуло в Москве, туда не сразу докатилось. И не сказать, чтоб много там было населения – тысяч десять всего, а рядом только промзона да теплицы совхозные. Интересно так совпадает – чем меньше проживало народу, тем меньше будет и общая пакостность территории, хотя, например, к промзонам это ни разу не относится, так же как и к свалкам. Саларьево, например, снаружи МКАД, а вот поди ж ты, очаги похлеще, чем в самой Москве бывают...

– Значит, так. Если без нежданчиков... извините, неприятных неожиданностей и препятствий, сработаю за три дня. При наличии таковых – дольше. Если через неделю не вернусь... ну, ищите другого сталкера.

Переглянулись бабушки.

– Простите, что значит – не вернетесь?

– Зона... – Я невесело хмыкнул. – А район ваш... ну, сложноват. Не совсем беда, но всякое случается. Вам есть, где остановиться?

– Да, мы сняли большой номер в местной гостинице.

– Дорого.

– Ничего страшного. Мы теперь можем позволить себе некоторые траты. – И снова поджатые губы, и что-то аристократическое даже видно в движении головы. Тихо встали, вежливо попрощались, и Павел Михайлович снова нацепил на свою круглую плешку памятный берет, церемонно пожал руку и даже слегка поклонился перед уходом.

– Музыкант, – Ботаник кивнул на дверь, когда на лестнице затихли шаги, – какая-то там филармония на неметчине, лауреат и все такое. Не беден, это факт. Зря ты про пятьдесят сказал. Глядишь, и в самом деле недоплатят.

– Ничего, ботанический друг мой. – Я вздохнул. – Полтинник здесь, полтинник там – бедному рубаха. Будем цены ломить – без клиентов останемся.

– Это вряд ли, – усмехнулся Гена, щелкнув пальцем по пузатому тяжеловесу-монитору. Ну, вот никак не хочет Ботаник переходить на современные плоские – ему, видишь ли, «цвета не те». А на мониторе уже таблица, и по новостям, что досконально собраны из неофициальной сталкерской сети и серверов ЦАЯ, уже мерцают столбцы под кодовой цифрой «200», а напротив – где кликухи, где имена, и рядом в окне карты Москвы с россыпью свежих крестиков.

– Спасибо, парень. Умеешь ты настроение перед ходкой поднять.

И затрещину ему. Не сильно, конечно, так, по-дружески, и в ответ чувствительный тычок по ребрам.

– Не рубись, Ланс. Это я просто так показал, что конкуренция нам особо не грозит. Пойдем-ка лучше пивчанского из холодильника достанем. Есть и покрепче, если че.

– Пивчанского можно. А вот покрепче – это когда вернуться.

И тихонько, тайком, три раза постучал по столешнице.

Вот он, дом тот самый. Трехэтажная хрущевка из белого кирпича, почти до крыши заросшая «красным виноградом». И скверик небольшой рядом, все деревья на нем убило

чем-то, и, присмотревшись, вижу чем – жарит от земли, трясется в мелкой дрожи воздух. Не «огневик» там, иначе бы сожгло все дотла, по крайней мере не на самой земле разлеглась аномалия, а жарит где-то в глубине. Земля тоже сухая, потрескалась, чертики пыльные по ней бегают, и ни травинки. Может, это даже и к лучшему – грунт вокруг бывшего скверика прогретый, высушенный, хотя и заметно просевший – видать, спеклось все в глубине. И дом покосился, пусть чуть-чуть, но видно, и в одном месте даже фундамент выглянул, и трещина, нехорошая такая трещина, по кирпичной кладке проползла до самой крыши. Хорошо, что не обрушился дом, пустым мне возвращаться не с руки, а деньги нужны, и даже очень. По семейным, так сказать, обстоятельствам...

Осторожно, Лансер, не спеша. Сухая земля под ногами, и ощутимо теплее она, чем положено ей быть под солнечными лучами, и асфальт мягкий, под ботинком проминается, липнет. Можно в таких вот местах и провалиться в подземную жаровню, и долгая, паршивая смерть, особенно если не сильно раскалена каверна, а что-то вроде дьявольской сауны градусов так под сто тридцать, и наверх по сыпучей земле, да обожженными пальцами не особо заберешься. Поэтому не сразу наступать, а протопать путь, послушать, с каким звуком бьет по земле ботинок. Веревку бы... Сэкономил место в рюкзаке, называется. Метров бы двадцать альпинистского шнура, привязать вон хотя бы к той крепкой на вид, хотя и высохшей елочке, а другим концом – к поясу. Ох уж мне эти подземные «огневики»... сколько в них сталкеров гробанулось...

«Фффффухххх» – шумно выдохнул горячий ветер из приоткрытого канализационного люка, и высоко вверх подлетела пара оранжевых искорок. Ощутимо громко щелкнул перегретый бетон. Ладно, ничего страшного, далеко, хотя и обдало какой-то особенной, банной вонью от горячего дуновения. И ветерок заметный, летает мелкая черная пыльца, посвистывает в окнах дома, и высоко-высоко в синем небе видно мелкое лихорадочное дрожание воздуха. Но слабый тут «огневик» или же просто очень глубоко сидит. Вот в Бутово на месте такой же дряни целый вулкан образовался, метров в десять высотой, и временами из него натуральная лава выстреливает, целый квартал вокруг этого «чуда природы» выгорел и обвалился. Но там хотя бы вони не было. Здесь же смердит от земли не то пластиком горелым, не то паленой шерстью. И дымки маленькие, ниточками такими, то здесь, то там пробиваются. Сдается мне, недавно аномалия образовалась. Жарит так, что на лбу уже пот выступил, и к спине камуфляжка мерзенько так липнет, щекоchetся. Вернусь когда – обязательно холодный душ приму. Хорошо, видно, здесь только «красному винограду» – да и что аномальной лозе сделается, она и на голых камнях растет, и не горит почти. Красивое растение, если присмотреться, – листья жесткие, в неровный такой дырчатый узор, словно дробью простреленный, ствол с руку толщиной извивается, и все красное в рыжину, ни капли зеленого. Даже ягоды вон видны, тоже красные, мелкие, как горох. Сталкеры даже легенду придумали, что в каждой кисти этого растительного мутанта есть одна «живая» ягодка, ничем внешне от прочих не отличающаяся. И если, мол, слопаешь правильную ягоду, то многие хвори вылечишь и жить дольше будешь. А вот если ошибся и не то, что надо, зажевал – то беда, отравишься так, что всю жизнь на лекарства работать придется. Сказки, конечно, ничего в этих ягодах плохого не обнаружено, жесткие они и безвкусные, но и отравы особой нет, так, голова немного поболит да желудок взбунтуется.

В подъезде сумрачно и жарко. Окна на лестничных площадках закрыло листвой, из полуоткрытой двери подвала несло зловонным сухим теплом. Краска на стенах слезла и осыпалась, под ботинком сухо захрустели чешуи штукатурки. После дневного света подъезд казался темным и мрачным. Постояв пару минут и послушав тишину дома, я медленно подошел к двери нужной квартиры, а после, отвернувшись, присел на лестничную площадку и со злостью сплюнул.

Квартира была вскрыта. Простенькую деревянную дверь отжали, по-видимому, крепкой фомкой – дерево треснуло и согнулось, у покривившегося замка торчали щепки. Судя по цвету дерева и слою мелкой серой пыли на обломках дверной ручки, квартиру взломали давно, похоже, сразу после эвакуации. Черт. Не факт, далеко не факт, что удастся мне выполнить этот фриланс и получить деньги. В том, что воры вынесли из квартиры практически все ценное, я почти не сомневался.

Из плотного футляра достал маленький фотоаппарат-«мыльницу», щелкнул со вспышкой взломанную дверь. И, спрятав уже не нужные ключи, вошел внутрь.

В квартире припахивало сухими яблоками, заплесневевшей бумагой и пылью. Отдельные солнечные зайчики, проникающие сквозь грязные стекла, давали не много света, отчего комнаты были погружены в глубокий багровый сумрак. Прихожая с пыльной ковровой дорожкой, потемневшие занавески вместо комнатных дверей, провалившийся пол на кухне – из дыры в линолеуме едва заметно пульсировало синеватым лучиком. Ну, на кухню, к счастью, мне не нужно, а путь в спальню, похоже, был чистым. Похоже. Э-эх... детектор бы, хоть плохонький, устаревшей модели, найти в Зоне, так как купить такую вещь с моими «связями» пока не представляется возможным. Понятно, что и с новейшими сканерами мрут как мухи, но все ж таки точно не лишней была бы научная машинка. Ну а пока совсем уж по-дурацки бросить в проем двери облезлый веник, всматриваясь, не полыхнут ли серые вспышки, нет ли ряби в воздухе и не слышно ли сухого натужного треска. Найти детектор... м-да... Видел ты, Ланс, как-то раз подходящего мертвеца, явно сталкера. В аномалию залез парень... ну или девка, там за давностью уже не определить было. Деревце вырубил лопаткой своей особенной, сучок крючком заострил. Ну и вытащил из танцующего и крутящегося вихря легкое совсем тело, посидел в раздумьях, да так и не решился с черного и покоробившегося пояса снять детектор и мини-компьютер, тот легендарный ПМК, о котором вздох Ботаник рассказывал. И автомат Калашникова, да не простой, а дорогой и редкий АК-12 с рюкзака не снял... не смог. Вместо этого за каким-то чертом вырыл саперкой яму и тем же крючком труп в нее стащил и, укрыв предварительно куском рваного тента от фуры, зарыл. А потом нажрался дома до тошноты, обматерил ни в чем не виноватого Ботаника и уснул в ванной, едва не залив соседей... есть все-таки в моей фрилансовой свободе некоторые, скажем так, издержки. И злоба временами накатывает, и страх беспричинный, и ночью кошмары, и когда припрет в Зоне по-серьезному, так, что смерть челюстями уже перед носом щелкает, готов бросить все и обратно в контору, скучную до ломоты в зубах, но зато безопасную. И других ребят за два года находил не раз, иногда даже знакомых, и хорошо, если они просто мертвые были, как ни страшно о таком думать – «просто мертвые». От всех этих дел некоторые головой едут, да только мне, видимо, повезло. С душой ведь как? Если долго ее по грязи да колочкам возить, то или пузыри кровавые выскочат и шкура слезет до живого мяса, или покроется эта самая душа мозолью в три пальца толщиной, такой коркой, что порой сам удивляешься, откуда столько нездорового цинизма в тебе берется, непрошибаемости какой-то. Однако и на мозолях трещины случаются. Иногда весьма ощутимые. Потом, правда, все зарастает, рубцуются, и тянет на пустые улицы с такой силой, что хоть волком вой. Испортил меня фриланс. Окончательно испортил.

Вот и сейчас не столько из-за упущенных денег неприятно на душе, а словно обманул кого-то. Не нашел я ни орденов, хотя шифоньеры перерыл тщательно, перетряхивая каждую вещь, ни драгоценностей в стопке простыней. Естественно, ведь простыни эти к моему приходу уже валялись на полу мятыми и пыльными холмиками в россыпи разных ниток, булавок и пуговиц, разбитых баночек и раздавленных фарфоровых кошек со слониками. «Чистили» квартиру обстоятельно, со знанием дела – такие воры очень хорошо знают все нехитрые тайники доверчивых граждан, будь то банка с крупой или стопка постельного белья. Не тронули даже технику, в том числе и достаточно неплохой, дорогой телевизор,